

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32, 35.

16-ю, довольно большую и очень обстоятельную главу своей книги академик Рафаэль Гусейнов назвал так: «Вечнозеленый венец поэта». Эпиграфом же к ней служат следующие две строки:

*Кто искренне шагу дружбу вялал,
Пусть путь каменит — лица не менял.*

Под ним подписи: Шах Исмаил Хатаи. Это имя так же, как и имя Низами, хорошо знакомо каждому бакинцу. Особенно тем жителям города, которые проживают в Хатаинском районе столицы и часто пользуются услугами станции метро Хатаи. В этом же районе установлен замечательный памятник великому полководцу и поэту.

«Познанию Шаха Исмаила Хатаи, пережившего пять столетий, можно рассматривать в двух координатах: в пространстве его эпохи, и вне временных рамок; то есть как явление XV — XVI веков в русле социального процесса и как художественный прецедент слова, не вмещающегося в «прокрустово ложе» хронологии. В первом случае перед нами предстанут стихи венецного Шаха Исмаила Хатаи, во втором — наследие поэта Хатаи», — вот так начинается свое повествование об Исмаиле воителе и покорителе и Исмаиле — художнике слова автор книги.

На странице 484, мы узнаём о том, что Салман Мумтаз — один из первых и серьёзных исследователей Хатаи в Азербайджане, видел этого венецного полководца в плетёных блистательных звёздах нашей поэзии, в ряду таких творцов стиха, на родном языке, как Гасанов, Гази Бурханеддин, Насими, Физули. Далее мы узнаём о том, что Хатаи писал не только на азербайджанском языке. «Его стихи на фарси до сих пор не собраны и не изучены в нашем литературоведении. Между тем, это необходимо и важно. Прежде всего, это доказало бы, что Хатаи был способен издавать и на фарси стихи, но не продолжил эту линию из политических соображений и литературных принципов...

После классических прецедентов на иноязычной — персоязычной почве (Низами, Хагани, Мехсети и другие азербайджанские художники слова) азербайджанская поэзия вступила в этап возвращения — самосознания на родном языке... То есть, этот процесс самоидентификации нашей письменной поэзии начался, по меньшей мере, за 200 лет до Хатаи, и то, что он писал на родном языке, издал на нём «Диван», не было само по себе новым явлением — феноменом. Вместе с тем, поэзия Хатаи — этап в нашей поэзии на родном языке... Более того, он включил в свой арсенал наиболее близкие и популярные в народе поэтические формы: гошма, герайлы, варсар, баяты», — сообщает автор на страницах 485, 487, 488. При этом он ссылается на Абаскули ага Бакиханова, который в девятнадцатом столетии, ведя речь о Хатаи, в конце своего историографического труда «Голистан-и Йерм» отмечал, что стихи Хатаи «поныне популярны в народе», потому что проникнуты фольклорным духом.

«В поэзии Шаха Исмаила Хатаи, который утвердил азербайджанский язык в статусе государственного языка, ввёл в обиход официальную перепишу, воплощались и другие важные резонансы его политики в области языка...», — сообщает далее автор книги, напоминая в этой связи тонкое наблюдение Абдулгали Гельпиларлы (стр. 492): «Стихи Хатаи дидактичны (не все — Р.Г.), однако убеждения его искренни, его уверенность в себе незыблима в чрезвычайной степени, и по этой причине самобытный в своей пропаганде поэт никогда не выглядит сухим, и даже самые дидактично-пропагандистские его стихи не лишены лирического элемента. Он покоряет человека магией своих внушений и обычно убеждает человека в том, в чём убеждён сам».

Оставив в сторону государственную и полководческую деятельность Хатаи, и рассматривая его наследие как сугубо поэтический опыт, автор книги приходит к выводу о том, что большинство его художественных воплощений не имеют хронологических координат. Они вне времени, вне конкретной эпохи.

Ещё одно достоинство почерка Хатаи — смелое отступление за пределы догм и канонов, отживших традиций. Эта светлая сторона, как отмечает автор книги на странице 503, видна и в его поэме «Дажнаме». Здесь же он отмечает «ещё один зримый штрих: Хатаи — из числа первых авторов написавших на родном языке поэму — «месневи». Отходя от шаблонных прецедентов, он пишет «Бахарийа» — «Гимн Весне». Да ещё как пишет. Нет в нашей классической поэзии образца, который столь живописно, блестяще, реалистично воссоздал бы образы весны, возрождения жизни, природы, упительную гедоническую радость с пением птиц. Перо поэта пишет точно, чеканит каждый байт, как искусный миниатюрист, воссоздаёт детали картины, нам предстаёт роскошь земли с её цветами, птицами, зверями, названия которых ныне позабыты».

И тут же автор предлагает оживить этот мир и вести эти названия в языковой оборот с помощью

фильма, озвучивая за кадром строки Хатаи. И я полностью согласна с его мыслью о том, что такая кинолента сослужила бы добрую службу в привитии любви к нашей родной природе. И не только. Представленная на международных кинофестивалях, она заставила бы тех, кто предпочитает все вопросы решать с помощью смертоносного оружия, глубоко задуматься над тем, что станет с этой природой, с этим миром, после того, как по их команде будут уничтожены эту данную людям Всевышним невероятную земную красоту.

«Ещё одно достоинство Хатаи — это гуманистический заряд его поэзии, который красной нитью проходит через всё его творчество, постепенно совершенствуясь, становясь в итоге творческим манифестом поэта, гимном человеку».

*Как живётся тебе, Хатаи?
Внемли, Аллах молитвам моим.
Бросит ли раб свары свои,
Чти его и благослови.*

Поэт хочет видеть человека на высоте его предначертания, свободным от суетных мелких страстей и тщеты. Он воспекает достоинство личности на протяжении своего творчества, и его идущие от сердца гимны человеку зовут к нравственному совершенствованию и возвышают сына рода человеческого. Хатаи не сомневался в художественной энергии своего слова, верил, что каждый его стих — доброе семя, упавшее в благородную почву, что истинный, выстраданный глагол, — это «дурдане» — жемчужина.

Он жил поэзией, и, обременённый державными заботами, не забывал о звуках лиры. Даже в походах на поле брани, когда отважно двинулся навстречу неприятельской рати с красной короной на голове, не мыслил ратную доблесть вне мысли поэта.

*Я — Хатаи на огненном коне,
И меч, и лира наравне.*

И сегодня мы, обозревая и изучая его наследие с двух точек, с двух аспектов, начинаем видеть целостность личности, двуединство Поэта и Гражданина, Творца и Воителя. Вспомним его «Нефес» из «Дивана»

*Несутся птицы ряд за рядом,
И не спалит их солнцу взглядом.*

Этот байт, чей философский смысл в эпоху Хатаи остался незамеченным и истаял в дымке времени, начинён не так уж трудно уловимым «дальнобойным» зарядом, и о нём нам нахлещут голос поэта, птицы, «неопалимые солнцем», — это слова, которым суждено пережить столетия, долететь до наших дней и продолжит полёт в грядущее.

Им будут вникать и будущие поколения, напоминая об их творце, о шахе и поэте Хатаи, высвечивая достоянную страницу истории Азербайджана.

Далее автор книги проводит параллель между Физули и Хагани. И здесь мы узнаём о том, что на заре шестнадцатого века Мухаммуду Физули не исполнилось и семи лет. «Надо полагать, что и до первых проб пера было ещё далеко. Исмаилу тогда шёл четырнадцатый год. Но вот феномен века: он уже был зрелым юношей, ощущавшим своё призвание, проявлявшим недожиганную ратную доблесть и лидерские качества. Молва о нём успела разнестись в сопредельные страны. Юный Исмаил неплохо владел пером. Мечом он овладел позже, как и венцом монарха...

У венецного Исмаила были и визири, и трон, и страна, которой он правил — держава Сефевидов. И он не был лишён права считаться властителем Слова. И до него история Востока, история Страны Огней — Азербайджана знала правителей-поэтов. То, что венецносцы обращались к лире, явление не чрезвычайное... Благодарные потомки с течением времени, по прошествии столетий, подзабыли о державных заслугах таких фигур, хранят в заветных тайниках памяти не их чины и титулы, а их долговечные слова», — читаем мы на страницах 504 — 509.

Далее академик перечисляет имена ряда правителей, которые вместе с тем являлись и выдающимися мастерами слова. Отмечен среди них и Молла Панас Вагиф, который являлся Визирем Карабахского ханства.

«Именно он довёл наш литературный язык и поэтическое слово до высокой ступени демократизации, начатой Хатаи, Шахом Исмаилом, имя которого увековечено в истории, как блестящего полководца и государственника и как классика нашей поэзии, утвердившего тюркское, азербайджанское слово, как полноправного участника литературного процесса на Востоке... Именно Хатаи привнёс в стих естественный лад азербайджанского языка, разговорной речи, колоритные краски и благозвучные детали наших говоров, до него никто из наших авторов этого не делал... И слово Хатаи поныне доставляет нам эстетическое удовольствие».

Далее мы узнаём о том, что есть у венецного поэта, повавшего на своём веку немало жестоко и бывшего непримиримо жестоком в ратных боях, множество стихотворных произведений, отображающих

щич переживания любящего сердца, выражающих чувства и чаяния правителя державы.

*От тоски по тебе сердце в куски разрывается,
Статьи терзает мечом, измывается.*

С этим криком души переключается и другие газели Хатаи.

*От тоски разрывается грудь, душа мается,
Глаза страсти жаждет сердце, не унимается.
Твой лик — аят, и брови — свод священный,
Сто тысяч мне явивший откровений...*

«Эти газели», — пишет автор на странице 526, — с грациозным движением строки несут в себе жар подлинного чувства».

Остаётся только удивляться тому, как сердце полководца, способного хладнокровно отсечь мечом голову противника и пить вино из его черепа, не зачерствело в кровопролитных ратных походах и несмотря на то, что было способно на столь глубокие человеческие чувства. Поистине, «Коль болел страстью, исцелял нет».

Из этой главы мы также узнаём о том, что Шах Исмаил особенно ревностно и заинтересованно относился к культурному созиданию. «Не случайно накануне битвы при Чалдыране, учитывая превратности военного жребия и возможного проигрышного исхода, шах повелел упрятать в надёжном укрытии нескольких выдающихся творцов слова, в которых видел немалое национальное достояние. И первое, чем он заинтересовался после горестного поражения, был вопрос о состоянии упрятанных в пещеру устатов...», — пишет автор на странице 529.

Одной из важнейших заслуг Хатаи академик Р.Гусейнов в конце главы называет то, что он «самостоятельно исходил из родной почвы, корней, из опыта тюркского слова, из старых поэтических пластов этой литературы, и, тем самым, издал оригинальный массив национальной поэзии».

Далее он отмечает ещё один момент — стихи Хатаи духовно-суфийского направления впоследствии дали импульс становлению и развитию в нашей литературе жанра «марсия» (стихотворения в духе эпитафий и траурных посвящений). «Ни Хатаи, ни Физули на протяжении всего творчества не озвучивали патетических и громких заявлений о любви к родине, к родной речи, не декларировали во всеуслышание свои патриотические эмоции».

Шах Исмаил служил народу и отечеству мечом и словом, служил во имя будущего нации.

*Это ли не лучшее доказательство патриотизма!
Это ли не вечнозеленый венец бессмертного слова!*

Таким двуединством автор завершает 16-ю главу своей книги.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА,
Заслуженный журналист
Азербайджанской Республики.